

Полянина Ольга Анатольевна

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НИЗШИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье впервые в отечественной историографии анализируется правовое положение низших муниципальных (земских и городских) служащих пореформенной России. На материалах Уфимской губернии прослежена передача части кадровых полномочий, реализуемых по отношению к служительскому персоналу, на уровень руководителей земских и городских учреждений. Сделан вывод о том, что двойственный правовой статус низших служащих позволял органам местного самоуправления принимать более оперативные кадровые решения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 150-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Удивительно, но в ответ тогда уже видный церковный деятель отметил, что Александр Петрович с годами остался неисправимым шутником, и лишь рассмеялся вместо того, что обидеться на достаточно колкую и дерзкую шутку в свой адрес.

Подводя итог, хочется отметить четыре основные черты, которые можно почерпнуть в том, что воспроизвел Борис Энгельгардт в своей памяти. Во-первых, в этих воспоминаниях подведена черта между тем Чичаговым, каким он был до того момента, как стал известным церковным иерархом, и тем, каким он стал уже после принятия духовного сана. Во-вторых, владыка Серафим показан в воспоминаниях Бориса Александровича как достаточно расчетливый церковный деятель: он специально постригается в монахи под именем Серафим, также специально он участвует в кампании по канонизации Серафима Саровского и обращает внимание императрицы Александры Федоровны на силу молитвы у могилы преподобного Серафима. В-третьих, Энгельгардт описывает Чичагова в первую очередь как светского человека: с одной стороны, епископ Серафим говорит о благочестии и о пользе молитвы, с другой же, – внутренне остается человеком светским, говорящим на французском языке, у него же то и дело проявляются черты скорее дворянина, чем архипастыря. Наконец, по факту, опровергается и самая распространенная по сей день, по сути, агиографическая, концепция принятия Чичаговым духовного сана: Энгельгардт отказывает Чичагову в искренности его духовных порывов, объясняя его переход в духовное сословие только лишь ухудшившимся материальным положением.

Какова была истина в сущности владыки Серафима (Чичагова)? Конечно, судить об этом довольно сложно, однако же нельзя не отметить, что авторы большинства воспоминаний, в которых он упоминается, демонстрируют изнанку его личности, выраженную в светскости, заискивании перед властями и снобизме. Вполне возможно, что, столкнувшись с суровой советской действительностью, будущий митрополит Серафим (Чичагов) изменился, но в первые годы своего архиерейства, вплоть до конца 1917 г., он запомнился в глазах современников, в том числе Б. А. Энгельгардта, исключительно в черных тонах.

Список источников

1. Мунжукова С. И. Б. А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е – 1960-е годы // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 134-145.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1052 (Б. А. Энгельгардт).
3. Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 года. СПб.: Д.А.Р.К., 2015. 660 с.
4. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ; Держава, 2007. 464 с.

**PERCEPTION OF PERSONALITY OF METROPOLITAN SERAPHIM (CHICHAGOV)
AND “SAROV SOLEMNITIES” IN B. A. ENGELHARDT’S MEMORIES**

Petrov Ivan Vasil'evich, Ph. D. in History
Saint Petersburg University
i.petrov@spbu.ru

The article describes personal features of the famous Orthodox archpriest of the last century martyr Seraphim (Chichagov). Archpriest's personality is examined through the eyes of his immediate contemporaries, first of all, B. A. Engelhardt, commandant of Petrograd in February 1917. The paper focuses on archbishop's personal qualities and his role in the so called “Sarov Solemnities”.

Key words and phrases: Seraphim (Chichagov); B. A. Engelhardt; Russian Orthodox Church; Saint Serafim of Sarov; Nicholas II.

УДК 94(470.57)

Исторические науки и археология

В статье впервые в отечественной историографии анализируется правовое положение низших муниципальных (земских и городских) служащих пореформенной России. На материалах Уфимской губернии прослежена передача части кадровых полномочий, реализуемых по отношению к служительскому персоналу, на уровень руководителей земских и городских учреждений. Сделан вывод о том, что двойственный правовой статус низших служащих позволял органам местного самоуправления принимать более оперативные кадровые решения.

Ключевые слова и фразы: органы местного самоуправления; земские служащие; городские служащие; низшие служащие; «третий элемент»; Уфимская губерния.

Полянина Ольга Анатольевна, к.и.н.
Башкирский государственный университет, г. Уфа
olga-polyanina@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НИЗШИХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Изучение земских и городских служащих пореформенной России (так называемого «третьего элемента») уже достаточно давно оформилось в самостоятельное направление научного поиска. Наиболее пристальное

внимание исследователей обращено на профессиональные сообщества, представители которых, в силу своего образовательного уровня и высокой общественной активности, сыграли заметную роль в социокультурном и экономическом развитии страны. Как на региональном, так и на общероссийском уровне накоплен значительный материал по истории школьного образования, земской медицины, статистики, агрономии, ветеринарии. «Профессионализация изысканий» не позволяет провести комплексный анализ дореволюционного института муниципальной службы, оценить правовое и социальное положение «третьего элемента», эффективность кадровой политики органов местного самоуправления.

«Невидимой» для исследователей до сих пор остается такая категория «третьего элемента», как низшие муниципальные служащие – сотрудники, занимавшие низовые должности в земских либо городских управах и учреждениях. Наряду с официальным наименованием за низшими служащими закрепились также термины «служительский персонал», «служители», «прислуга» (последние два, как правило, требовали уточняющего прилагательного: «пожарные служители», «палатная прислуга» и т.п.).

Профессиональный состав служительского персонала был достаточно пестрым. Большинство учреждений занимало сторожей и истопников. При расширении масштабов деятельности появлялись дворники, конюхи и привратники. Мелкие поручения выполняли курьеры и посыльные. В больницах требовались палатные служители, сиделки, повара, прачки, а в психиатрической больнице – еще и надзиратели. На скотобойне работали бойцы (забойщики) и ассенизаторы, заведующие ветеринарных станций искали микроскописток.

Больничная прислуга была, по выражению современников, «прикреплена» к своему учреждению, в стенах которого служители не только работали, но и жили. Наличие служебного жилья, расположенного в непосредственной близости от места работы, характерно для всей сферы занятости дореволюционной России. Но если врач, инженер или учитель могли рассчитывать на полноценную квартиру, то служителям отводили тесные душные каморки, комнаты и углы в подвалах или полуподвалах; сиделки и надзиратели иногда ночевали прямо в бельевых и ваннах. Поэтому «особенно устойчивым элементом оказывались семейные служители» [11, с. 24-29], когда оба – и муж, и жена – работали в больнице, что позволяло выделить им, по крайней мере, отдельную комнату.

Питались больничные служители также за счет своих учреждений. В губернской соматической больнице «пищевое довольствие» прислуге составляло 16 коп. в сутки (для фельдшеров 26 коп., для дежурного врача – 50 коп.). На эту сумму служителям полагался только обед, состоящий из супа с половиной фунта мяса и гречневой или пшенной каши. По праздникам готовилась мясная лапша, два раза в неделю вместо каши подавался жареный картофель. Чай и сахар прислуга должна была покупать за свой счет [20, с. 20-22]. Наличие служебного жилья и питания, при всех нареканиях к качеству того и другого, объясняет экстремально низкий уровень заработной платы таких служителей (5-6 руб. в месяц по состоянию на 1910-1912 гг.).

Представители других профессиональных групп (ночные сторожа, истопники, конюхи) тоже получали скромное жалование, но они не были постоянно привязаны к месту службы, и органы местного самоуправления не только не запрещали, но и поощряли их вторичную занятость. Многие низшие служащие работали в нескольких местах, вели подсобное хозяйство, занимались сезонными промыслами.

Оценка численности служительского персонала даже на уровне одной губернии затруднена разрозненностью и крайней отрывочностью источников. Никаких отчетов или сводных ведомостей, характеризующих эту категорию «третьего элемента», органы местного самоуправления не составляли. В последние предвоенные годы только в Уфимской земской психиатрической больнице насчитывалось почти 300 человек служительского персонала [11, с. 30-35], в губернской соматической больнице – около 45 человек [19, с. 15-20]. От 5 до 10 человек служителей работало на каждой ветеринарной станции, в Бактериологическом институте. Охрану училищ и других земских зданий осуществляли по меньшей мере несколько десятков сторожей. Уфимская дума в 1913 г. оценила количество персонала своих городских учреждений в 139 человек [8, с. 546]. Данные по управам уездных городов отсутствуют, но очевидно, что без сторожей и истопников они обойтись не могли. Таким образом, общее количество низших муниципальных служащих губернии по состоянию на 1910-1913 гг. следует оценить в 600-700 человек.

Двойственность правового статуса исследуемой категории «третьего элемента» заметна уже на этапе подбора кадров и найма сотрудников. Основным нормативным документом, регламентирующим данную сферу, являлось Общее учреждение губернское, в соответствии с которым при назначении или перемещении служащего органы местного самоуправления обязаны были получить согласие губернатора [21, с. 26-27]. Губернской канцелярии, в свою очередь, предстояло затребовать отзыв о политической благонадежности кандидата, направив запрос в жандармское управление, а также по предыдущему месту работы или жительства претендента. Таким образом, вся процедура определения на должность детально документировалась и занимала от двух месяцев до года.

Ни Общее учреждение губернское, ни другие законодательные акты общеимперского уровня [16, с. 261; 17, с. 56] не выделяли низших земских и городских служащих в отдельную категорию. Тем не менее анализ правоприменительной практики дает основания утверждать, что назначение служительского персонала происходило без процедуры согласования с губернской администрацией и без наведения справок о политической благонадежности. Так, выявленные на сегодняшний момент материалы Уфимского губернского жандармского управления, Уфимского губернского правления, канцелярии уфимского губернатора, Уфимской губернской земской управы позволяют полностью реконструировать процесс приема на муниципальную службу по крайней мере 200-300 человек – при этом упоминания о служительском персонале остаются единичными.

Очевидно, что органы государственной власти и местного самоуправления не были готовы вести длительную переписку по поводу каждого истопника или конюха. Свою роль сыграла позиция Правительствующего Сената, не нашедшего «никаких данных к предположению, чтобы под земскими служащими... разумелись и низшие служащие» [22, с. 68-69]. Кроме того, формально управы не имели отношения к назначению служительского персонала, поскольку эта кадровая функция была передана на уровень руководителей земских и городских учреждений. Например, в «Инструкции ветеринару городской общественной скотобойни в г. Уфе», помимо непосредственных профессиональных обязанностей (микроскопические исследования, наложение клейм, осмотр скота, осмотр мяса), перечислялись и управленческие функции. Для городской думы, утвердившей инструкцию, было естественным, что ветеринар «следит за точным исполнением обязанностей служащих на бойне. В случае неисполнительности, нетрезвого поведения, недобросовестности и т.п. кого-либо из служащих (стражников, бойцов, пломбирщиков и дворников) делает замечание, штрафует и увольняет от службы при согласии Управы» [10, с. 33-35].

Нормативное закрепление кадровых полномочий высших служащих неслучайно зафиксировано именно в инструкциях по заведыванию больницами и ветеринарными станциями. Для сферы здравоохранения была традиционно характерна высокая степень сплоченности профессионального сообщества и, как следствие, стремление оказывать влияние на политику органов самоуправления. На протяжении 1890-1900-х гг. практически при каждой земской и городской управе начали действовать совещательные органы – Врачебные, Ветеринарные и Санитарные советы. В состав советов, как правило, входили все врачи (ветеринары), состоящие на муниципальной службе соответствующей губернии или города, члены управы, гласные, представители среднего медицинского персонала. К полномочиям советов относилось предварительное обсуждение вопросов общественной медицины, выносимых впоследствии на рассмотрение гласных, включая обсуждение различных отчетов и докладов, проектов обязательных постановлений, программ научных командировок и т.д.

Медицинскому сообществу было принципиально важно закрепить свое влияние на принятие кадровых решений, что формулировалось как право советов на «приискание» или «рекомендацию» кандидатов на вакантные должности. Однако речь шла только о специалистах высшей квалификации – врачах, ветеринарах, эпидемиологах. Тексты инструкций для Врачебного [2, с. 96-97, 765-768] и Ветеринарного [Там же, с. 816-825] советов при Уфимской губернской земской управе, Ветеринарного совета при Уфимской городской думе [7, с. 362-365] и аналогичные документы других регионов не содержат упоминаний о служительском персонале. Косвенно это подтверждает тезис о том, что право врачей на подбор и перемещение своих подчиненных не оспаривалось управами и не нуждалось в дополнительной защите.

На практике высшим служащим делегировались еще более широкие кадровые функции, чем предусматривалось нормативными документами. Руководители земских и городских учреждений активно использовали право на увольнение подчиненных. Жесткая, полувоенная дисциплина поддерживалась в Уфимской городской пожарной команде, где брандмейстер мог уволить служащего за «сон на каланче», «грубый разговор» или «очень небрежную работу» [15, д. 1-3]. Ординатор земской губернской психиатрической больницы Сухов только за один год уволил 34 человека палатной прислуги «за грубое обращение», «по неспособности», «за небрежность» и т.д. [18, с. 5-9]. Заведующие учреждений устанавливали режим работы служащих, определяли количество выходных, давали разрешение на отпуск. Высшие служащие неоднократно выступали инициаторами расширения штатов «третьего элемента» в определенной сфере деятельности.

Размер жалования служащих обычно устанавливался управой, но в отдельных случаях заведующие и тут получали определенную свободу действий. Уфимская городская дума в 1901 г. «признала нужным выдавать (ветеринарным врачам) на наем помощников-микроскопистов для исследования свинины 25% с вырученной за это исследование суммы» [6, с. 306-310]. Количество помощников при этом не оговаривалось. Иногда служащий, жаловавшийся на непосильный объем работы, получал прибавку к жалованию с разрешением нанять себе помощника. Выдача жалования низшим служащим также нередко проводилась через их непосредственного начальника, который не только получал и раздавал деньги, но и расписывался за неграмотных сотрудников.

Специфика кадровой работы с низшими служащими определялась не столько скромным образовательным уровнем, сколько «неустойчивостью» этой категории «третьего элемента». На одной должности надзирателя, сиделки или сторожа за год могло смениться 2-3, а иногда и 5 человек [11, с. 24-26; 18, с. 5-9]. Нельзя сказать, чтобы органы муниципальной власти не признавали негативных последствий высокой текучести кадров. Размер первой периодической прибавки (дополнительной выплаты за выслугу лет, назначаемой через каждые 3-5 лет работы) для служительского персонала составлял 20% против 10% для остальных категорий служащих [5, с. 81]. В Уфимской губернской земской психиатрической больнице для получения первой прибавки достаточно было отработать всего месяц [18, с. 5-9].

В годы Первой мировой войны такой же дифференцированный подход использовался при назначении «временных прибавок на дороговизну». В Уфе по решению гласных самые низкооплачиваемые категории муниципальных служащих (с окладом менее 300 рублей в год) получили прибавку в размере 45% от среднемесячной заработной платы. По мере увеличения суммы оклада удельный вес доплаты снижался. Сотрудник с окладом в 1800 рублей и выше довольствовался лишь 10%-ной прибавкой [14, д. 64, л. 8 об., д. 75, л. 13-15; 15, д. 1, л. 46]. Земские управы Уфимской губернии также воспользовались плавающей шкалой начисления «временного дополнительного вознаграждения». С июля 1915 г. основные категории губернских служащих стали получать доплату в размере 25% от суммы довоенного оклада, у малооплачиваемых сотрудников эта

цифра достигала 30% [12, д. 16, 17, 19]. Однако «уничжительный» размер первоначального жалования не позволяет говорить об эффективности таких мер.

При учреждении пенсионных касс ряд земств, в том числе и Уфимское, исключили служительский персонал земских учреждений из числа обязательных участников кассы. Гласные отмечали крайне высокую текучесть кадров на низших должностях, что делало «выгоды страхования проблематичными» [1, с. 689-704; 9, с. 12]. Анализ системы страхования земского медицинского персонала, в свою очередь, подтверждает неоднородность правового статуса различных категорий «третьего элемента». В 1906 г. Уфимское губернское земство впервые признало «повышенную уязвимость» медиков, застраховав постоянный эпидемический персонал на случай гибели от острых инфекционных заболеваний [2, с. 884-886].

В течение 1911 г. в перечень застрахованных лиц был включен временный эпидемический персонал, ветеринарные врачи и фельдшеры, а затем сотрудники соматической больницы. Сумма выплат напрямую зависела от образовательного уровня и оклада застрахованного человека. В случае заражения и гибели медицинского работника семье врача полагалось 5000 руб., фельдшера, окончившего фельдшерско-акушерскую школу, – 2000 руб. Близкие ротного фельдшера и сестры милосердия могли получить не более 1000 руб., жизнь служителя или сиделки оценивалась в 500 рублей [4, с. 85]. При этом угроза для жизни и здоровья сиделок, палатных надзирателей, прачек оставалась достаточно высокой. Осенью 1915 г. эпидемия холеры, начавшаяся среди пациентов губернской психиатрической больницы, перекинулась на служителей, что заставило старшего врача повысить им жалование [13, д. 3, л. 87-88].

Остальные льготы и меры социальной поддержки, предусмотренные для муниципальных служащих, юридически распространялись на все категории без исключений. Наравне с другими представителями «третьего элемента» низшие служащие активно обращались в губернскую управу с ходатайствами о назначении стипендий на обучение детей. При рассмотрении прошения во внимание принимались «связь с земством» (т.е. выслуга), размер жалования, состав семьи, наличие недвижимости. В результате по формальному критерию «бедности просителя» служители получали даже больше шансов на успех, чем их коллеги. Характерная дискуссия состоялась на заседании Уфимского губернского земства в 1910 г. Гласный С. А. Братцев высказался против «всякой помощи [в получении стипендий] врачам и ветеринарам», материальное положение которых являлось достаточно стабильным. Политика поддержки малооплачиваемых категорий служащих также нашла своих противников. По убеждению гласного Пономарева, выдавая сторожу управы пособие на обучение детей в размере половины оклада, земство «искусственно увеличивает ему жалование» [3, с. 41, 188-189]. Большинство членов собрания дистанцировалось от обеих позиций, продолжив рассматривать каждое ходатайство в индивидуальном порядке.

Определенные виды льгот не были востребованы служителями в силу низкого образовательного уровня. Сложно представить, чтобы конюх или прачка спешили воспользоваться возможностью бесплатно брать книги в библиотеке; истопник или дворник не нуждались в оплате научных командировок...

В целом делопроизводственная и другая документация органов местного самоуправления фиксирует двойственный правовой статус низших муниципальных служащих. С одной стороны, на них распространялось большинство мер социальной поддержки, предусмотренных для служащих конкретного земства или города. В Уфимской губернии к числу таких мер относились периодические прибавки за выслугу лет, «прибавки на дороговизну», выплачиваемые во время войны, и некоторые другие. Служители были исключены из обязательных участников земской пенсионной кассы, но могли вступить в нее на добровольных началах. Принципиально важно, что и гласные, и члены управ безоговорочно признавали низший персонал учреждений своими служащими, не выделяя их в отдельную категорию.

С другой стороны, значительную часть кадровых функций по отношению к низшим служащим осуществляли их непосредственные руководители, а не земские или городские управы. Заведующим принадлежало право подбора, перемещения и увольнения служительского персонала. В условиях пореформенной Российской империи, когда рынок труда был перенасыщен малоквалифицированными сотрудниками, такая политика позволяла принимать более оперативные кадровые решения.

Список источников

1. Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXII очередной и XXXIX чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа: Паровая типо-литография С. М. Гирбасова Н-ки и К°, 1907. XXI+1012 с.
2. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов с приложением докладов Губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа: Паровая типо-литография Тор. дома Л. Е. Милюкова и И. А. Медведева, 1909. XXII+1257 с.
3. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа: Тип. Т-ва «Печать», 1911. 302 с.
4. Журналы Уфимского губернского земского собрания 37-й очередной сессии 1911 года. Уфа: Электр. тип. Т-ва «Печать», 1912. 154 с.
5. Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года (1-20 декабря 1913 года). Уфа: Электр. тип. Т-ва «Печать», 1914. XV+239 с.
6. Журналы Уфимской городской думы. 1901 год. Уфа: Электр. типо-литография В. П. Колмацкого и К°, 1902. 454 с.
7. Журналы Уфимской городской думы. 1906 год. Уфа: Электр. типо-литография Т-ва Ф. Г. Соловьев и К°, 1908. 730 с.
8. Журналы Уфимской городской думы. 1913 год. Уфа: Электр. типо-литография Ф. Г. Соловьева, 1916. 948 с.

9. **Загряцков М. Д.** Земская служба и социальное страхование (к вопросу о земских пенсионных кассах). М.: Магазин «Высшая школа», 1916. 34 с.
10. **Иллюстрированные заметки об Уфимской городской ветеринарии** / сост. уфимским городским ветеринарным врачом А. Д. Пиотровичем. Уфа: Электр. типо-литография В. П. Колмацкого, 1902. 36 с.
11. **Медико-хозяйственный обзор деятельности Психиатрической больницы Уфимского губернского земства в период 1901-1910 г.** / сост. ординатор Л. И. Айхенвальд. Уфа: Электр. губернская тип., 1912. 38 с.
12. **Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-132. Оп. 1.**
13. **НАРБ. Ф. И-311. Оп. 1.**
14. **НАРБ. Ф. И-340. Оп. 1.**
15. **НАРБ. Ф. И-387. Оп. 1.**
16. **О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия:** Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1885. Собрание третье. Т. I. Со дня восшествия на престол Государя Императора Александра Александровича по 31 декабря 1881 года. С. 261-264.
17. **О предоставлении губернаторам особых прав при замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям:** Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 19 августа 1879 г. // ПСЗРИ. СПб., 1881. Собрание второе. Т. LIV. Отделение второе.
18. **Отчет по больнице душевнобольных Уфимского губернского земства. За год с 1-го октября 1896 года по 1-е октября 1897 года** / сост. врач, заведующий больницей С. Сухов. Уфа: Паровая типо-литография А. П. Зайкова, 1897. 66 с.
19. **Отчет по Уфимской губернской земской больнице, аптеке, богадельне и патронажу для подкинутых детей за 1912 год** / сост. ст. врачом больницы Б. П. Ручинским. Уфа, 1913. 118 с.
20. **Отчет Уфимской губернской земской больницы, богадельни, аптеки и патронажа для подкидышей за 1909 год** / сост. д-ром А. Яновским. Уфа, 1910. 90 с.
21. **Свод законов Российской империи:** в 5-ти кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 1. Т. II. 737 + XX с.
22. **Систематический Свод указов Правительствующего Сената, последовавших по земским делам** / сост. секретарь Воронежской губернской земской управы Н. И. Кузнецов. Воронеж: Типо-литография Т-ва «Н. Кравцов и К^о», 1909. Т. V. 1908 г. XVIII + 230 с.

**LEGAL STATUS OF LOW-RANK MUNICIPAL SERVANTS OF POST-REFORM RUSSIA
(BY THE MATERIALS OF THE UFA PROVINCE)**

Polyanina Ol'ga Anatol'evna, Ph. D. in History
Bashkir State University, Ufa
olga-polyanina@mail.ru

The article for the first time in the domestic historiography analyzes the legal status of low-rank municipal (zemstvo and urban) servants of post-reform Russia. By the materials of the Ufa province the author traces the transfer of some recruitment functions realized in relation to municipal personnel at the level of heads of zemstvo and municipal institutions. The paper concludes that dual legal status of low-rank servants allowed local self-government bodies to make personnel decisions more operatively.

Key words and phrases: local self-government bodies; zemstvo servants; municipal servants; low-rank servants; "third element"; Ufa province.

УДК 94(930.1:913.1/913.8):910.1

Исторические науки и археология

В статье ставятся задачи определения социального состава, материального положения и численности российской диаспоры в 1921-1923 гг. в Германии, которая являлась одним из главных центров российской эмиграции в начале 1920-х гг. Изучение данных вопросов позволяет раскрыть характерные черты русской социокультурной среды за рубежом и оценить степень её влияния на западную культуру. Помимо этого, опыт адаптации русских эмигрантов за рубежом может оказаться полезным в современных условиях. Автором предпринята попытка обобщения разрозненных данных, иллюстрирующих характер русской социокультурной среды в чужой стране.

Ключевые слова и фразы: российская диаспора; Германия; российские эмигранты; Берлин; российская интеллигенция.

Попов Максим Евгеньевич

Горно-Алтайский государственный университет
mr.popov1234@list.ru

**РОССИЙСКАЯ ДИАСПОРА В ГЕРМАНИИ (1921-1923):
ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ**

Российские эмигранты пребывали в Германию ещё с 1917 г., вместе с отступающими частями белых армий через Польшу, Турцию и Прибалтику. Из России также приезжало много обеспеченных людей. В столицу